

УДК 070:82-3

«ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШИ»

© 2012 Ю.Н. Мажарина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 февраля 2012 г.

Аннотация: Статья посвящена мемуарам – наиболее отчётливой форме «изображения души» автора. Демонстрируя уровни авторского самосознания и авторского познания мира, мемуары становятся той площадкой, на которой автор одновременно выступает субъектом и объектом исследования. Действительность в мемуарах всегда соотносится с личным авторским восприятием. Важно не само событие, а роль мемуариста в нём. Степень стремления автора к самопознанию – ключевой жанрообразующий признак мемуаристики.

Ключевые слова: мемуары, самосознание, имиджевый текст, антропоцентризм, авторское «Я», ретроспективный угол зрения, субъективность, самопознание, автобиографизм, «Я-местоимение», «Я-имя».

Abstract: Article is devoted memoirs – the most distinct form of "the soul image". Showing levels of author's consciousness and author's knowledge of the world, memoirs become that platform on which the author simultaneously acts as the subject and object of research. The validity in memoirs always corresponds with personal author's perception. Important not event, and a role of the memoirist in it. The author's aspiration for self-knowledge is a key principle of forming a genre in memoiristics.

Key words: memoirs, self-consciousness, image text, anthropocentrism, author's «ego», a retrospective point of view, subjectivity, self-knowledge, «ego-pronoun», «ego-name»

«Для того чтобы писать свои воспоминания, не надо быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком...», – утверждает Герцен [1]. Как только к человеку пришло понимание того, что он имеет право оставить о себе письменный след в истории, стали востребованы и мемуары – автобиографии, воспоминания, дневники, письма, исповеди, портреты...

Определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь, зафиксировать её в письменной форме и передать свой опыт потомкам во все времена стремились не только литераторы. Замечательные образцы мемуарного жанра оставляют художники, учёные, политики, священники, спортсмены, музыканты и простые обыватели. Желание остановить, а точнее восстановить время и себя в нём всегда было присуще человеку. Меняющийся на глазах окружающий мир, пробуждал у него потребность в самоидентификации. Мемуары позволяют максимально полно реализовать эту интенцию, зафиксировать «работу собственной души».

Одновременно субъектом и объектом исследования в мемуарах выступает личность автора, повествующего об индивидуальной не-

повторимости фактов, лиц, событий, явлений, за которыми раскрываются общие жизненные закономерности.

Что же заставляет людей поверять свои сокровенные мысли массовой аудитории? Не столько внешние, прагматичные цели, сколько потребность разобраться в самом себе через высказанное слово.

Мемуары – наиболее отчётливая форма «изображения души».

Употребляя ёмкую формулу Б. Эйхенбаума, можно сказать, что работа над мемуарами во всех их проявлениях – это «осознание себя в потоке истории» [2]. А историческое самосознание личности – один из коренных, жанрообразующих признаков мемуаристики. Разумеется, оно проявляет себя и в иных формах духовного творчества, но именно в мемуаристике реализуется с наибольшей последовательностью и полнотой. В этом и состоит её социальная функция.

Мемуары – это вереница исторических событий, явлений, фактов, галерея лиц, типажей, характеров. И, конечно, особый авторский взгляд на всё это. Второе важно не менее чем первое. Интерес для исследователя представляют не только сведения из собственной жизни автора, но и понимание того, почему автор считает достойным запечатлеть и опубликовать именно эти факты.

© Ю.Н. Мажарина, 2012

Мемуары сильны интересом к отдельному человеку, который осознается как самоценная личность, у которой есть свой взгляд на мир, чувства и мысли которой важны ничуть не меньше, чем крупное историческое событие. Мемуары — это история, отражённая в конкретном человеке, в его жизни, быте, слове. По словам Ю. Лотмана, такая история «изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга» [3].

Мемуары — это имиджевый текст.

Работая над той или иной формой воспоминаний, автор прямо или косвенно презентует себя аудитории. Выступая своеобразным центром произведения, он фокусирует события вокруг себя, выражает свою точку зрения на происходящее. И — самое главное — раскрывает себя, как личность, осознающую ход исторического процесса, своё место в нём, раскрывающую подлинное значение фиксируемых фактов и событий, воссоздаваемых образов исторических лиц и времени. Высокая степень отражения в тексте личности автора, его целей, намерений, интенций — основополагающая черта мемуарной литературы.

Мемуарист, будучи главным действующим лицом повествования, превращает событие в событие. Он всегда движется внутрь самого себя. Антропоцентризм в мемуарах носит подчёркнуто демонстративный характер, перерастая в квази-антропоцентризм.

Работая с автобиографическими данными, мемуарист личные встречи, индивидуальные чувства переводит в разряд всеобщих. Фигура повествователя подчиняет себе весь фактический материал. Авторское «Я» в произведениях подобного типа стоит не над событием или за его рамками, а как действующее, участвующее в событиях лицо. От его имени ведётся повествование.

Мемуары — это единство субъективного и объективного, личного и общественного, случайного и закономерного.

Некоторая доля условности, присущая людям мемуарам, будь то воспоминания, дневники, письма, портреты, активизируя восприятие текста, способствует обнаружению его подлинного содержания, позволяет мемуаристу представить индивидуальную судьбу как некую закономерность, хотя соотношение достоверных фактов и элементов творческого вымысла в тексте воспоминаний, как правило, неравновелики.

Факты довлеют над вымыслом, который, проявляясь в различной степени обобщениях, типизации, психологическом проникновении в душевный мир героев, невольных умолчаниях и домысливании отдельных эпизодов, не является осознанной авторской установкой.

Фабульной основой мемуаров являются запечатлённые авторской памятью факты реальной действительности. Андрей Белый в предисловии к своим мемуарам писал: «Показ мой — показ того, что было; факты разговоров, шуток, нелепостей — ф-а-к-т-ы, к которым я не могу ничего прибавить и от которых не могу ничего убрать без искажения действительности, ибо показанное есть то, чего теперь нет; и то, что было» [4].

Мемуары — это всегда срез эпохи под углом зрения автора.

Личность автора мемуаров интересна во всём многообразии её проявлений. С точки зрения структуры произведения мемуарист предстаёт перед читателем в двух ипостасях:

- как объект изображения, один из героев воспоминаний;
- как субъект, предлагающий смотреть на изображаемое глазами автора.

При этом активная роль автора сохраняет достоверность, правдивость повествования.

Вполне осознавая, какое существенное влияние на формирование его менталитета оказывают внешние обстоятельства: нормы и правила художественного этикета, принятая в обществе система эстетических канонов, социально-политический строй, мемуарист предстаёт одновременно в двух качествах и на содержательном уровне:

- как личность со своим сугубо индивидуальным видением мира, стремящаяся запечатлеть свой опыт, поделиться собственными впечатлениями и размышлениями;
- как часть той группы людей, о которых он пишет, чьи интересы и культурные традиции разделяет.

Мемуары — это всегда демонстрация авторского самосознания и уровня авторского познания мира.

Вот как свидетели выступления Сергея Есенина в имении Ильи Репина по-разному описывают тот вечер. Не получивший в дальнейшем широкой известности ученик художника Антон Комашка вспоминает: «Однажды, в среду, писатель Иероним Ясинский приехал в Пенаты с одним юношей <...>. Элегантно одетый в серый костюм Есенин поднялся и, устремив светлый взор вдаль, начал декламировать <...>. Репин аплодировал, благодарил поэта. Все присутствовавшие выражали своё восхищение» [5].

Юрий Анненков в книге «Дневник моих встреч» пишет: «Есенина привёз к Репину Корней Чуковский <...>. На нём была несколько театральная, балетная крестьянская косоворотка, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой произвело на

присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после чтения стихов, аплодисментов не последовало <...>. Гости Репина в большинстве остались холодны, и сам хозяин дома не выразил большого удовольствия:

– Бог его знает, – сказал Репин сухо, – может быть и хорошо, но я чего-то не усвоил: сложно, молодой человек!» [6].

Как же могли возникнуть два столь непохожих воспоминания об одном и том же событии?

Причина – в личности авторов.

Авторское «Я» – центральная категория любого мемуарного текста.

Устойчивое представление мемуариста о самом себе, о своём физическом, психологическом, интеллектуальном, эмоциональном состоянии, о своих взаимоотношениях с героями, о своём месте в мире и в тексте воспоминаний.

Степень стремления автора к самопознанию – ключевой жанрообразующий признак мемуаристики. Любое отступление от этого принципа, отклонение в ту или иную сторону ведёт к размыванию жанровых границ, к смыканию мемуаров с другими художественно-публицистическими жанрами, к переходу в иные литературные формы. Так, незначительное снижение организующей роли авторского «Я» по отношению к материалу, желание автора изобразить на первом плане других людей, события и явления, участником или очевидцем которых он никогда не был, уже не позволяет говорить о том, что текст написан в мемуарном жанре. Здесь следует вести речь о портретном или путевом очерке, зарисовке. При чрезмерном усилении организующей роли авторского «Я» возникает жанр эссе или колонки.

В зависимости от степени вовлечённости автора в описываемые события в мемуаристике выделяются следующие формы выражения авторского «Я»:

- автор – активный участник событий;
- автор – наблюдатель;
- автор – комментатор происходящего.

Автор – активный участник событий оживает прошлое на уровне как внешней, так и внутренней событийности, определяемой его душевным состоянием и во времена, о которых идёт речь в воспоминаниях, и во время работы над ними. Стремясь беспристрастно воспроизвести ушедшую эпоху, автор – активный участник событий рассказывает о себе, демонстрируя ту роль, которую он сыграл в событиях или в отношениях с другими героями воспоминаний. Естественным образом на первый план в таких текстах выдвигается образ автора, под которым подразумевается уже не только реальный биографический субъект высказывания, а некий обобщённый персонаж,

вбирающий в себя как индивидуально-неповторимые черты конкретной личности, так и элементы беллетризации её, связанные с воображением автора биографического.

Автор-наблюдатель повествует о ситуациях, явлениях, событиях, которые он непосредственно видел, но не участвовал в них сам. На первый план в произведениях подобного рода выходит образ героя. Мемуарист старается остаться «за кадром», но не исчезает вовсе. Всматриваясь в прошлое, он только ретранслирует вереницу деталей, лиц, которые самостоятельно выступают на свет сквозь ограниченность и субъективность человеческой памяти.

«Пишу я эти строки с одним только желанием: сказать о Бунине правду, ту, которую я видел и знал, не добавляя ничего от себя, не позволяя себе оценки, положительной или отрицательной. Ничьи возражения, никакие домыслы не убедят меня, что правда могла иногда оказаться и другой», – пишет Георгий Адамович [7].

Автор-комментатор происходящего воспроизводит те эпизоды, которые он лично не наблюдал или наблюдал частично. Отправной точкой для авторских размышлений становятся не столько собственные воспоминания, сколько свидетельства очевидцев. Степень достоверности таких мемуаров снижена, но значимость или экстраординарность происходящего столь велика, что оно имеет право на место в общественной памяти.

Лидия Чуковская в своих воспоминаниях «Памяти детства» выступает и как активный участник событий, и как комментатор. Она признаётся: «Я помню себя – обрывочно – с 1910 года, то есть с трёхлетнего возраста; что может помнить ребёнок от трёх до десяти? Немного; не по порядку; неясно... <...>. Разбуженная, моя память оказывается на удивление инфантильной» [8, 240].

Поэтому, вспоминая своего отца, писателя Корнея Чуковского, мемуаристка не только описывает их куоккальские игры и то, как Корней Иванович вместе с ними «весело скакал на одной ноге, строил из песка крепости, швырял камни – кто дальше?» [8, 300], но и даёт слово самому писателю, приводя записи из его дневника: «С тех пор как я познакомился с этими детьми... для меня как-то затуманились все взрослые. Странно, что отдыхать я могу только в среде детей» [8, 301].

Такой приём позволяет мемуаристке более наглядно показать ту роль, которую они, дети, играли в жизни Корнея Чуковского. Очевидно, дружба с детьми давала Чуковскому не только материал для наблюдений, но и излечивала от тоски, избавляла от усталости и тревоги, возрождала к жизни.

Кроме того, автор воспоминаний предстаёт в мемуарах сразу в нескольких временах:

- прошедшем (время описываемых событий);
- настоящем (время письма).

Налицо диалог культур, диалог времен, диалог менталитетов.

Мемуары всегда автобиографичны.

Независимо от того, заявляет автор о себе прямо или стоит за изображаемыми людьми и событиями, воссоздавая общий исторический фон.

Личностное начало проявляется в разные исторические эпохи по-разному. Существенное влияние на это оказывают внешние обстоятельства: нормы и правила художественного этикета, принятая в обществе система эстетических канон, социально-политический строй.

Право на самовыражение, на независимость от авторитета церковной и светской власти утверждается за человеком постепенно. Всё чаще поводом к написанию текстов становится непреодолимое желание автора рассказать о себе, разобраться в своём внутреннем мире. Центром всего произведения или его части становится сам повествователь.

Черты мемуарной литературы можно встретить и в древнерусских летописях. Их авторы, повествуя о князьях, которым служили, о святых, которым поклонялись, об экономико-политических и социокультурных событиях и явлениях, имевших место в русской истории на определённом этапе её развития, хоть и должны были, согласно литературным канонам, выражать общепринятую точку зрения, но абсолютно уйти от субъективности не могли. Так уж устроена человеческая память, что ей свойственна забывчивость, непреднамеренные ошибки, неточности, оговорки. Иногда – выдача желаемого за действительное. Поэтому, как невозможен мемуарист, который не был бы субъективен, так невозможен и летописец, который был бы абсолютно нейтрален и беспристрастен.

На смену синкретизму, характерному для прамемуаристики, в XVIII веке приходит синтетизм. В тексте воспоминаний совмещаются разнородные факты, чувства, переживания, настроения автора. Мемуарист рассчитывает, что его, в общем-то, субъективные, личные воспоминания могут определённым образом воздействовать на читателя, давая ему понимание не только прошлого, но и настоящего, и в определённой степени – будущего. Возникает целостное произведение, созданное из повседневного опыта, риторических приёмов и того запаса образованности, которым располагает автор.

Общественный интерес к текстам мемуарного жанра возникает в России лишь в XIX веке. Автобиографии, воспоминания, письма, путевые

записки начинают публиковать многие газеты и журналы той поры: «Русская старина», «Русский архив», «Колокол», «Полярная звезда», «Исторические сборники». Расширяется палитра форм мемуарной литературы, тем и проблем, которые она поднимает.

Частная жизнь становится частью исторического процесса. И мемуары из «частного» рода творчества переходят в разряд общественно значимых текстов. Если сравнивать их с произведениями подобного типа, созданными в XVIII веке, то можно отметить сокращение временного промежутка, который стремится охватить своим повествованием мемуарист, снижение детализации. Мемуаристы XIX века тяготеют к тематическому принципу организации материала, вспоминают не все подряд, а лишь какие-то особые случаи и события из своей жизни и жизни страны.

И чем ближе к современности, тем больше желающих не просто пофилософствовать о «вечных проблемах», разобраться в многообразии смысложизненных категорий, поделиться личным опытом с идущим навстречу новым поколением, а дать оценку собственной судьбе, исповедаться перед широкой аудиторией.

Авторское «Я» выступает объединяющим, связывающим вокруг себя вся и всё началом. Оно определяет угол зрения, под которым в мемуарах предстаёт историческая действительность. Будучи участником или наблюдателем событий той или иной эпохи, своё отношение к реальности, к людям, к отдельным предметам и к самому себе, мемуарист выстраивает в соответствии с идейным замыслом, личными целями, мотивами и объективными обстоятельствами, имевшими место на момент работы над мемуарами.

Авторское «Я» – своего рода индикатор мемуарности произведения. На этапе прамемуаристики авторское «Я» представляло собой некую абстрактную цельность. Личное и общенародное сливались в представлении прамемуариста воедино. Впоследствии человек начал осознавать себя не только членом конкретной социально-политической группы, но и индивидуальностью, личностью. Право на историческую память, считавшееся поначалу привилегией избранных лиц, стало осознаваться как всеобщее право, как право каждого человека. Фигура повествователя стала главным действующим лицом. «Я – местоимение» всё очевиднее, по словам Ю.М. Лотмана, превращалось в «Я – имя».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герцен А. Былое и думы / А. Герцен. – М.: Олимп : АСТ, 1999. – С. 57.
2. Эйхенбаум Б. О прозе / Б. Эйхенбаум. – Л. : Художественная литература, 1969. – С. 304.

Ю.Н. Мажарина

3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994. – С. 389.
4. Белый А. Начало века / А. Белый. – М., 1990. – С. 19.
5. Комашка А.М. Три года с Репиным / А.М. Комашка // Репин. Художественное наследие // Соч. : в 2 т. – М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949. – Т. 2. – С. 297-298.
6. Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М., 1993. – С. 154-156.
7. Адамович Г. Сомнения и надежды / Г. Адамович. – М. : Олма-Пресс, 2002. – С. 122.
8. Чуковская Л. Сочинения / Л. Чуковская // Соч. : в 2 т. – М. : Гудьял-Пресс, 2000. – Т. 1 : Повести; Воспоминания. – 432 с.

*Мажарина Ю.Н.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры истории журналистики.
E-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru*

*Mazharina Y.N.
Voronezh State University.
The post-graduated student of Department of Journalism.*